
Лоре Лея
ДИАГНОЗ:
на край света за снами
18+

Лоре Лея

Диагноз: на край света за снами

https://litres.ru/74768487
SelfPub; 2026

Аннотация

Их игра началась задолго до встречи в ночном парке.

Ноябрь 2024 года. Гениальную художницу Хлою объявляют сумасшедшей, заперев в стерильном боксе клиники строгого режима за осквернение шедевров Национальной галереи. Чопорный, душный Лондон уверен, что сломал её.

«Я сбежала. Без денег и документов, с одним лишь обломанным угольным карандашом и старой записной книжкой в кармане. Я бежала далеко. Выживала на пыльных чердаках Нанта и месяцами по крупицам собирала в архивах правду о нём. Потому что мужчина с ледяным взглядом из снов реален. И я готова заплатить любую цену, чтобы встретить его».

Бесплатный приквел-новелла к роману «Игра в безумие. Последняя капля крови для шедевра».

Содержание

Глава 1. Манифест правды на Трафальгарской площади 4
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Лоре Лея
Диагноз: на край света за снами

Глава 1. Манифест правды на Трафальгарской площади

Зал заседаний Королевской академии художеств дышал чопорным, пересушенным удушьем. Ноябрь 2024 года. За окнами исходил ледяным дождём холодный, серый вечер, но здесь, за закрытыми дверями, воздух был густым, перегретым скрытыми под потолком кондиционерами и намертво пропитанным запахом дорогого льняного масла, едкого даммарного лака и слежавшейся пыли. Этот запах, казалось, въелся в одежду и сами стены.

Хлоя стояла в центре зала, чувствуя, как тяжелая подошва массивных ботинок постепенно сдается перед мертвенным, вытягивающим тепло холодом векового мрамора. Перед ней, на громоздком старинном мольберте из мореного дуба, исходившем ароматом сырости, стояла её новая работа.

Справа, вдоль старинных стен, ровным, безликим строем

тянулись холсты других студентов. От них веяло стерильной, тошнотворной чистотой. Ровные, вылизанные мазки, выверенные по академическим канонам пропорции, безупречно гладкие, словно куски рафинада, античные статуи. Мёртвое, кастрированное искусство. Хлоя почти физически ощущала этот запах пустоты, исходивший от их работ. Запах склепа, замаскированного под классицизм.

Но её холст буквально кричал в этой гробовой тишине. Она писала ту же натурщицу у каменной колонны. Но пока другие выводили идеальный изгиб белоснежного плеча, Хлоя препарировала плоть кистью. В её мазках жила дикая, необузданная пульсация. Плотные, пастозные слои глубокого кармина и багрового краплака казались свежей, ещё не свернувшейся кровью, запекшейся на холсте. В карих глазах нарисованной женщины читалась не античная покорность, а первобытная, тёмная похоть, смешанная с липким ужасом загнанного зверя. Картина пахла иначе — резким, животным теплом, металлом и живым потом.

— Это пугает, мисс, — голос ректора, сухой и скрипучий, словно треск ломающегося угля, разрезал тишину. Он поправил дужку дорогих очков и брезгливо указал кончиком ручки на край подрамника, будто боялся испачкать холеные пальцы. — Здесь нет эстетики. Здесь нет чистоты линий, актуальной для нашего века. Только безумие, анатомическая грязь и… порок. Вы оскверняете стены академии… этим.

За спиной Хлои мгновенно пополз ядовитый, шуршащий

шепоток. Сокурсники, жадно ловящие каждое слово комиссии, тихонько доставали смартфоны, фиксируя её позор на камеры. «Ошибка приёмной комиссии», — долетел до уха чей-то скользкий смешок. Профессора один за другим демонстративно вносили низкие баллы в планшеты. Ей прямо грозили отчислением.

Хлоя слушала это, не двигаясь с места. Кончики её пальцев, до сих пор испачканные серой угольной пылью, слегка зудели. На её губах медленно расцвела леденящая, циничная улыбка, обнажая ровные зубы. Взгляд её карих глаз скользнул по напыщенным лицам профессоров.

«Вы хотите мёртвого искусства? — подумала она, и внутри неё сладко заворочался просыпающийся монстр. — Я покажу вам, как оно выглядит на самом деле. Вы захлебнетесь своей безупречной мертвечиной».

Лондонская осенняя ночь задыхалась от тумана — плотного, влажного, пахнущего речной сыростью и остывающим камнем. Хлоя скользила сквозь это марево, словно бесплотная тень. Её расчёт был безупречен: она неделями изучала графики обхода сонных смотрителей и слепые зоны камер Национальной галереи. Секунда, едва заметный щелчок взломанного замка на служебном входе — и массивная дверь впустила её внутрь с тихим вздохом.

Внутри царил священный хаос полумрака. Огромные залы, подсвеченные лишь тусклыми аварийными лампами, тонули в синих тенях. Со стен на неё смотрели великие шедев-

ры: Рафаэль, Уильям Бугро, Никола Пуссен. Вековые полотна пахли старым холстом, благородным лаком и столетней неподвижностью. Они были идеальными. Правильными. И мертвыми. Для Хлои эта галерея была лишь роскошным, пугающе молчаливым склепом, где искусство забальзамировали ради потешного вздоха толпы.

Хлоя опустилась на колени прямо в центре главного зала. Вековой мраморный пол, ледяной и гладкий, мгновенно прошил колени обжигающей стужей сквозь брюки. Она сорвала завязки с холщового мешка и высыпала на пол золу — пепел её собственных сожжённых академических набросков. Смерть её прошлого, обращенная в материал. Горький, сухой запах гари мгновенно забил рецепторы. Достав из кармана пальто бутылку терпкого красного вина, она сорвала пробку зубами. Разнёсся вяжущий, сладковатый аромат перезрелого винограда и дубовой бочки.

Она шагнула прямо к бесценным полотнам. Хлоя хватала куски прессованного угля и с диким, царапающим звуком вгрызалась прямо в лица безупречных мадонн, монархов и античных богов на картинах. Уголь крошился под её пальцами, чёрная пыль летела на рамы. Поверх шедевров Возрождения Хлоя с яростью высекала свои пророческие ночные сны. Рваные, острые, как иглы, шпили готического замка, бездонные бойницы окон и леденящие, гипнотизирующие глаза, которые звали её из темноты.

Она делала глоток вина, а затем с силой выплескивала

остатки прямо на изуродованные углём холсты. Багровая жидкость текла по масляной краске, пачкая золото рам, собираясь в тёмные, рубиновые капли на кракелюре старых мастеров. Хлоя с силой втирала вино и пепел голыми ладонями в картины, размазывая грязь, оставляя хаотичные, рваные следы своих испачканных пальцев прямо на лицах идеализированных пастухов и дев. Это было высокохудожественное убийство прошлого. Полная капитуляция стерильного классицизма перед её безумной, пульсирующей страстью.

Её нашли только на рассвете.

Первый холодный луч ноябрьского солнца пробил стеклянный купол галереи, ослепительно подсветив масштаб катастрофы. Хлоя сидела на полу, обессиленная, прислонившись спиной к подножию растерзанного холста. Её бледное лицо было испачкано серой золой, рыжие пряди прилипли к вискам, а пальцы по локоть покрывали подсохшие багрово-черные разводы угля и вина. А вокруг неё со стен кричал тотальный, монументальный разрыв шаблонов — осквернённые, перечёркнутые её чёрными замками шедевры, с которых всё ещё капало тёмное вино.

Чопорный, душный воздух зала Королевского суда был пропитан запахом старых архивных папок, дезинфектора и едкого пота сотен зевак. Весь арт-мир Лондона набился на трибуны, словно стервятники на свежую падаль, желая поглазеть на «сумасшедшую художницу», которую здесь никто не собирался защищать. Представители министерства куль-

туры и администрация галереи — как раздавленная, оскорбленная в своих лучших чувствах потерпевшая сторона — сидели во главе зала в глухих темных костюмах, пока репортеры криминальной хроники беспрерывно шуршали блокнотами и экранами смартфонов.

Над залом молча возвышался судья. В своей глухой, монументальной черной мантии с темно-красной полосой на плече и традиционном напудренном парике он казался неподвижной восковой куклой, застывшей за массивным столом. Текст официального обвинения зачитывал секретарь суда. Его голос, монотонный и монохромный, шуршал по залу, как высохший осенний лист по асфальту: неправомерное проникновение с отягчающими обстоятельствами, грубое нарушение общественного порядка и умышленное повреждение имущества в соответствии с Законом 1971 года — а именно ценнейшего полотна, принадлежащего Попечительскому совету Национальной галереи. Справа на скамьях присяжных замерли двенадцать человек — двенадцать чужих, притихших лондонцев, от чьего вердикта теперь зависело всё. Секретарь бесстрастно чеканил сухие слова, пока в душной тишине зала зловеще повис финальный вопрос: «Признаете ли вы себя виновной?».

Хлоя стояла за стеклянным защитным барьером скамьи подсудимых. Она не прятала лица от уставившихся на неё сотен глаз. Напротив, расправила плечи, мягко развела их назад и чуть приподняла подбородок. В её позе не было ни

капли раскаяния. Её карие глаза лениво, с откровенной скукой изучали застывшего в парике судью.

Когда от неё потребовали ответа на вопрос секретаря, Хлоя проигнорировала протокол. Её голос, глухо разнесшийся из-за стеклянного ограждения, прозвучал леденящим, пугающе спокойным контрастом к шуршащему залу:

— Вы судите меня за то, что я оживила ваши мёртвые стены? — вкрадчиво, но отчётливо произнесла она, и в ложе прессы затих стук по клавиатурам. — Вы молитесь на картины прошлых веков, на этот ваш вылизанный академизм, потому что до ужаса боитесь заглянуть в собственное настоящее. Ваша Академия, ваши суды, всё ваше цифровое, благопристойное общество — это просто склеп. Склеп, заполненный картонными мертвецами в дорогих костюмах, которые боятся сделать один лишний, живой вдох. Я дала этим полотнам жизнь, я принесла в ваше монохромное болото огонь и боль, но вы предпочитаете не смотреть правде в лицо. Вы не замечаете её, идеализируя всё вокруг и окутывая себя слепой пеленой. Разуйте наконец глаза! Настоящее искусство создается в эмоциях, в чувствах — это сама жизнь, и каждое её несовершенство и есть искусство. Эти образы приходят ко мне во снах, они сняли с меня пелену забвения, и только это — настоящее. Как вы не понимаете, глупцы! Вы все слепы и глухи!

В зале повисла оглушительная тишина. Журналисты криминальной хроники замерли с занесенными над смартфо-

нами пальцами. Это пугающее, абсолютное бесстрашие девчонки с остатками угля под ногтями пугало власть сильнее, чем сам вандализм. Судья понял: если оставить её на свободе, эта девчонка разрушит всю их идеальную, выверенную систему. Она была неуправляемым пожаром.

Судья медленно поднялся, и его глухой, леденящий голос оборвал тишину, заменяя собой так и не прозвучавший ответ присяжных. Решение было принято мгновенно. Ссылаясь на Закон о психическом здоровье, судья назначил принудительную психиатрическую экспертизу в закрытом медицинском блоке строгого режима. До особого распоряжения. Ее хладнокровно вышвырнули из рамок правосудия, отправляя в изоляцию — в место для тех, чью правду система сочла безумием.

Сзади к ней тут же шагнули конвоиры. Тяжёлые стальные наручники с резким щелчком сомкнулись на запястьях. Хлою грубо вывели из здания суда, где она сразу же оказалась под прицелом десятков камер. Вспышки слепили, смартфоны зевак на улице фиксировали её бледное лицо, пока она истерически заливалась смехом, продолжая кричать о пророческих снах и глупости людей.

Вскоре её увезли.

Её завели в глухой одиночный бокс специальной клиники. Массивная дверь с электронным замком захлопнулась с металлическим стуком, отрезая Хлою от мира. В камере воцарилась тишина, залитая холодным неоновым светом и на-

сквозь пропитанная запахом едкой дезинфекции.

Но в этом ледяном покое она не заплакала. Хлоя медленно опустилась на жесткую кушетку, прислонилась головой к стене и тихо, хрипло рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.